

ПАРАДИГМАТИКА СОВРЕМЕННОЙ АРХИТЕКТУРЫ: АНАЛИТИКА И ДЕКЛАРАЦИИ

УДК 72.01

Г.Н. Фигурный¹

¹*Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия*

Аннотация

Статья представляет собой фрагмент научного исследования, посвященного анализу современных подходов к теоретическому осмыслению феноменологии архитектуры. Противопоставляются содержательность и продуктивность аналитического подхода к архитектурной тематике и методологическая несостоятельность подхода декларативного (программного). В этой связи представляется актуальной проблематика демаркации строгого аналитического (общерационального) и публицистического (декларативного) форматов.¹

Ключевые слова: теория архитектуры, история архитектуры, научный метод, псевдонаука, феномен доверчивости, формальная логика

PARADIGM OF MODERN ARCHITECTURE: ANALYSES vs DECLARATIONS

G. Figurny¹

¹*Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia*

Abstract

This article is a fragment of scientific research devoted to the analysis of modern approaches to the understanding of architecture. The author opposes the productivity of the analytical approach to the architectural theory and the methodological inconsistency of the declarative approach. In this regard, the problem of demarcation of strict analytical (rational) and publicistic (declarative) formats seems to be relevant.²

Keywords: theory of architecture, history of architecture, scientific method, pseudo-science, phenomenon of credulity, formal logic

Архитектуроведение как некая сфера знания, складывается из истории архитектуры и теории архитектуры. При этом история архитектуры обладает всеми признаками строгой научной дисциплины и объективно отвечает большинству критериев, предъявляемых к научным историческим исследованиям и их методологии.

Что же касается собственно теории архитектуры, то здесь общая ситуация определенно несколько сложнее: поскольку именно в этой области наряду со значительным корпусом подлинно научных принципов и методик одновременно сосуществуют и явно вне-научные подходы. Тот базовый сектор (раздел) теории архитектуры, – который не вызывает

¹ **Для цитирования:** Фигурный Г.Н. Парадигматика современной архитектуры: аналитика и декларации // Architecture and Modern Information Technologies. – 2019. – №2(47). – С. 71-82 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/04_figurnyj.pdf

² **For citation:** Figurny G. Paradigm of Modern Architecture: Analyses vs Declarations. Architecture and Modern Information Technologies, 2019, no. 2(47), pp. 71-82. Available at: https://marhi.ru/AMIT/2019/2kvart19/PDF/04_figurnyj.pdf

сомнений в своей достаточной академической строгости, так же как и в проверенной временем методологической состоятельности, – объективно включает в себя обобщенный массив представлений по фундаментальной архитектурной проблематике в ее традиционном понимании: таких как принципов построения объемно-пространственной композиции и формообразования, архитектоники, инженерных конструкций, строительных материалов и технологий, методологии проектирования... Данный раздел теории архитектуры имеет свой довольно ясный и детальный исторически сложившийся понятийно-категориальный аппарат и опирается на обще- и частнонаучные методы.

Остальная же часть «парадигмы архитектуроведения» может быть (при этом достаточно условно) разделена на два основных направления или, скорее, на два системных подхода: «программный» (декларативный) и «критический» (аналитический). При этом программный подход представляет собой претензии на «новое слово» в теории и практике архитектуры и является по своей сути манифестацией, то есть попытками теоретического обоснования (и продвижения) тех или иных тенденций (направлений) в современной архитектуре (при этом не обязательно авангардных), и в силу самого этого обстоятельства зачастую имеет весьма эмоциональную окраску и, более того, – довольно сомнительный научный статус своих методологических позиций и постулатов.

Критический же подход можно охарактеризовать как своего рода аналитическую (по формальным признакам) эссеистику. В рамках именно этого подхода рассматриваются и анализируются, как правило, течения и тренды в новой и новейшей архитектуре как объективно существующие феномены. Весьма значительным сегментом этого подхода можно считать архитектурную критику.

Здесь сто́ит еще раз подчеркнуть, что разграничение этих подходов является довольно условным, и что многие архитектуроведческие тексты порой обладают признаками обоих подходов. Более того, они имеют главную общую черту: оба подхода позиционируют себя (не всегда, но часто) – как отвечающие строгим критериям научной методологии.

Далее представляется уместным проанализировать формальные и сущностные признаки части упомянутого выше корпуса архитектуроведческих текстов (как программных, так и аналитических) с методологических позиций современной науки. При этом имеет определенный смысл ограничиться рассмотрением критических и программных текстов (их основных положений и тезисов) наиболее значимых (или даже культовых) фигур в сфере современной теории архитектуры: сторонников авангардных тенденций Чарльза Дженкса и Патрика Шумахера, с одной стороны, – и их идеологических оппонентов (приверженцев традиционного подхода) – в лице Кристофера Александра и Никоса Салингароса, – с другой.

Для этого есть достаточно веские основания: книга Чарльза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» (изданная в 1977 г. и переведенная на русский язык в 1985 г.) довольно многими специалистами рассматривается как «оказавшая огромное влияние на профессиональное сознание архитекторов и являющаяся «библией постмодернизма» [5].

Авторитет К. Александра также не менее весом, и в статье доктора философских наук Т.Ю. Быстровой, в частности, в его отношении констатируется, что: «...недаром некоторые западные критики сближают Кристофера Александра <...> с Витрувием, хотя во времени они отстоят друг от друга на две тысячи лет» [2].

Что же касается Н. Салингароса, то и его «...называют вторым или "новым" Витрувием, желая подчеркнуть, что он внес в теорию архитектуры совершенно новый подход, который обещает служить зодчим еще тысячу лет» [8].

Судя по общей тональности процитированных выше текстуальных фрагментов, нам, по всей видимости, выпала честь быть современниками не только автора «Священного Писания от архитектуры постмодернизма», но еще и двух «новых Витрувиев» в придачу.

Такая радикальная постановка вопроса предполагает необходимость (или же, по меньшей мере, – уместность) краткого сравнительного анализа основных положений теоретических трудов указанных авторов.

Структурно эти теории слагаются (в особенности, – в текстах Ч. Дженкса и Н. Салингароса) из двух основных сущностных фрагментов (при этом слабо связанных логически друг с другом), – первый из которых можно, как мы выше условились, назвать «критическим» (аналитическим), а второй – «декларативным» (или программным). То есть: сначала автор текста содержательно и убедительно выявляет несостоятельность (или сомнительность) теоретических позиций своих предшественников (или оппонентов-современников), а вслед за тем начинает объяснять своей аудитории: как же «правильно на самом деле». При этом следует отметить, что убедительность «критической составляющей» текста порой оказывается столь впечатляющей, что придает и видимость правдоподобия его (текста) декларативной части.

Так, представляется, что наиболее содержательной частью основного теоретического труда Чарльза Дженкса «Язык архитектуры постмодернизма» можно считать его первый фрагмент – «Смерть “новой архитектуры”», где им предельно жестко и аргументированно критикуются базовые постулаты и идеи модернизма, и прежде всего – присущий ему композиционный примитивизм.

Но, весьма убедительно показав несостоятельность программных установок модернистов (уже ставшую к тому времени для многих очевидной), он тут же выступает в роли «нового идеолога», и во второй части этой книги – «Способы архитектурной коммуникации» – обосновывает (а если точнее, – просто выдумывает) собственную теорию, поставив цель научить архитекторов «правильным подходам к проектированию». (Псевдо-научность и методологическая безосновательность этой «теории», основанной на т.н. «философии постструктурализма» были несколько ранее рассмотрены в тексте «Современные подходы к осмыслению новейшей архитектуры: Ч. Дженкс и Н. Салингарос») [11].

Но по прошествии некоторого (относительно недолгого) времени появляется следующий «архитектурный мессия» – в лице Н. Салингароса, который, в свою очередь, столь же резко и убедительно развенчивает «теоретические построения» постмодернистов, выявляя при этом всю их бесплодность и вне-научность. Но затем и он, без тени сомнения, примеряет на себя (и на своих идеологических соратников) образ глашатаев «архитектурной истины в последней инстанции». Проиллюстрируем это следующей цитатой данного автора: «...К сожалению, архитектура только начинает долгожданное формулирование своих теоретических основ. Не преувеличу, если скажу, что вплоть до последнего времени ее представители руководствовались, скорее, личными прихотями и соображениями моды, а не опирались на теоретические основы. Из-за научного невежества трех поколений архитекторов об этой сфере сложилось совершенно неправильное представление <...> А ведь уже написано достаточно работ по подлинной теории архитектуры, заложена основа, от которой можно отталкиваться при изучении этой темы. Она состоит из работ Кристофера Александра (Alexander, 2002, 2005; Alexander et. al., 1977), Леона Крие (1998), автора этой книги (Salingaros, 2006) и некоторых других» [9].

Следует признать, что на фоне его последовательной критики «теоретического базиса» постмодерна процитированный выше пассаж может восприниматься, на первый взгляд, как естественное и убедительное обоснование его собственной теоретической позиции. Но, к сожалению, лишь на первый взгляд, и не более того. Поскольку при внимательном прочтении этого фрагмента мы видим, что нам предлагается (предписывается) сделать для себя вывод (или же просто принять к сведению), что:

– во-первых, до Н. Салингароса (и его ближайших единомышленников) архитектура так и не смогла «сформулировать свои теоретические основы»;

- во-вторых, мастера мировой архитектуры при создании прошедших испытание временем шедевров всего лишь «руководствовались личными прихотями и соображениями моды»;
- в-третьих, три поколения архитекторов пребывали во мраке «научного невежества».

Из трех приведенных выше решительных и претенциозных утверждений можно отчасти согласиться лишь с последним, поскольку именно недостаточное знакомство с базовыми принципами научной методологии (и формальной логики) и обуславливает тот, во многом удивительный, «феномен доверчивости» довольно значительной части архитекторов и архитектуроведов к текстам «очередного теоретика», побуждая их находить «сакральный смысл» в мутном конгломерате из очевидных констатаций и столь же явной несусраицы.

Более того, это относится, прежде всего, и к самому Н. Салингаросу как к «теоретику», открыто игнорирующему (осознанно или не очень) основные критерии, которым должна строго соответствовать всякая теория, претендующая на собственную научность, из коих главный – внутренняя непротиворечивость.

Но с этим у Н. Салингароса совсем неважно. Уверенно заявляя, что именно им и его коллегами заложена «основа подлинной теории архитектуры», он в том же самом тексте признает, что «...любая дисциплина за время своего существования накапливает багаж знаний, которые позволяют объяснить массу феноменов. (Знания по архитектуре накапливались тысячелетиями). Некоторая часть этих знаний была систематизирована и сформирована в сжатую теоретическую базу. <...> Факты и идеи объединены определенным образом, который характерен для всех точных дисциплин» [9].

Внимательный читатель этого текста («Антиархитектура и деконструкция») неизбежно должен здесь впасть в состояние когнитивного диссонанса: ведь если автор прямо и недвусмысленно констатирует, что знания по архитектуре (накопленные тысячелетиями) уже были объединены и систематизированы в теоретическую базу, – то чем же тогда была вызвана (и обусловлена) для самого Н. Салингароса и его коллег необходимость создавать свою собственную «подлинную теорию архитектуры» и начинать при этом с нуля? Впрочем, в этом же тексте он приводит и своего рода промежуточное (компромиссное) утверждение, признавая, что теория архитектуры хотя и была, но, по его мнению, все же – «недостаточно научная»: «Настоящая теория архитектуры развивалась в двух параллельных направлениях. Первое из них – это подход, основанный на исторически сложившихся решениях. <...> Второе направление подлинной теории архитектуры опирается на науку...» [9].

Видимо, следует полагать, что в этой трактовке его собственный подход признается им уже не «заложением основ», а позиционируется несколько умереннее, – как «второе направление подлинной теории архитектуры» (опирающееся на науку). Остается лишь догадываться – какое из трех, данных им (весьма разнящихся между собой) определений современного состояния теории архитектуры он считает наиболее релевантным.

Но, быть может, эти досадные обстоятельства явных нестыковок и противоречий в текстах авторства Н. Салингароса компенсируются их практической результативностью? Ведь открыв секрет «единственно верной архитектурной теории», было бы логично на практике показать (реализовать) весь ее потенциал и спроектировать (и затем построить) что-нибудь значительное и выдающееся – назло всем скептикам. Но и здесь нас ждет горькое разочарование, поскольку, как справедливо констатировал доктор искусствоведения А.Г. Раппапорт: «...все рассуждения Салингароса остаются в сфере теории и не имеют прямых визуальных, формальных реализаций» [8].

Если Ч. Дженкс спроектировал серию композиций ландшафтного дизайна (с прудами и фонтанами), то каких-либо свидетельств самостоятельного архитектурного творчества Н. Салингароса и П. Шумахера в открытом доступе обнаружить не удастся. Что же касается автора книг «Заметки к синтезу формы», «Язык паттернов» и «Природа

порядка» – К. Александера, – то принято считать, что он как «...архитектор, теоретик архитектуры, урбанист, дизайнер, математик, социолог, профессор университета Беркли в Калифорнии и т.п. – поразительно последователен: он научно и теоретически обосновывает идеи, и только потом реализует их в архитектурной практике» [2].

Однако те весьма скудные визуальные свидетельства, которые приводятся в материалах, посвященных его собственному (или, как можно предположить, лишь инспирированному его идеями) проектному творчеству, оставляют, как это ни прискорбно, впечатление явной композиционной и стилистической неубедительности (если не сказать резче и точнее). Впрочем, это обстоятельство столь же очевидно и для самого К. Александера и его сотрудников: «...But Alexander and his colleagues were disturbed to find that many of the designers inspired by *A Pattern Language* produced work that was crude and artless. How, short of returning to the priesthood of trained professionals, could this be corrected? What was missing from the methodology he and his colleagues were offering?»³ [16].

То есть: он публикует «самоучитель по архитектуре» (*"A Pattern Language"*), чтобы разъяснить в этой «книжке с картинками» методологию архитектурного проектирования для всех желающих и доказать необязательность привлечения профессиональных архитекторов к проектному процессу, а затем (по прошествии десятилетий) выражает озабоченность тем, что это начинание принесло столь печальные плоды. Довольно трудно представить себе возможность такого рода «смелых новаций» в других сферах деятельности, например, – в медицине, где каждому, проявившему к ней интерес, предлагалось бы, подобным же образом, самостоятельно освоить практическую хирургию по одному иллюстрированному пособию.

Не может не вызывать удивление и временной разрыв между первой публикацией этой книги и воследовавшем «выражением обеспокоенности», – злые языки могли бы предположить, что причина этого в том факте, что: «*A Pattern Language* was met with great success, and even at \$65 per copy, it is still one of the best-selling books on architecture – some 25 years after it was first published...»⁴ [16]. Но нам так думать не хотелось бы...

При этом сам К. Александер убежден, что всегда действовал в рамках научного метода: «...Throughout my career I have pushed very hard <...> to put architecture onto a track which is deeply involved with science, new or otherwise...»⁵ [14]. Но каким же образом можно прилагать искренние многолетние усилия по сближению архитектуры с наукой – и при этом не оставлять настойчивые попытки ее (архитектуры) профанации, внушая широкой публике, что можно стать архитектором «по одной книжке»? Представляется, что здесь налицо явное и принципиально неустранимое противоречие. И подобного же рода противоречиями пестрят и тексты его коллег (как единомышленников, так и оппонентов).

Так в чем же тогда кроется секрет столь поразительной успешности «теоретических конструкций» Ч. Дженкса, К. Александера и Н. Салингароса у публики? Каким образом эти персоналии оказались буквально «властителями дум» для значительной части своих современников и остаются таковыми столь продолжительное время? Видимо, их впечатляющая популярность определяется сложным комплексом различных факторов. Но выделим из них два основных и, как представляется, наиболее очевидных.

³ «...Но Александер и его коллеги были обеспокоены, обнаружив, что работы многих проектантов, вдохновленных книгой «Язык паттернов», оказались грубыми и неумелыми. Каким образом, без возвращения к священноначалию профессионалов, можно было бы это исправить? Что было не так с методологией, предложенной им и его коллегами?» (перевод автора – Г.Ф.).

⁴ «"Язык паттернов" имел большой успех, и, даже по цене 65\$, он до сих пор остается в числе бестселлеров по архитектурной тематике – по прошествии 25 лет со времени первого издания...» (перевод автора – Г.Ф.).

⁵ «...На протяжении всей моей карьеры я старался <...> направить архитектуру на путь, глубоко связанный с наукой, современной либо иной...» (перевод автора – Г.Ф.).

Во-первых, в рамках «критического подхода» им удалось своевременно прочувствовать и затем эффективно обслужить своего рода «общественный запрос» на теоретическую дискредитацию надоедавших со временем (если не всем, то очень многим) масштабных архитектурных экспериментов той или иной волны. И это можно считать конструктивной и содержательной стороной их текстов.

Во-вторых, в рамках их собственного «программного подхода» они умело придают своим «теоретическим построениям» видимость научности, вводя отсылки к различным сферам научного знания (включая точные и естественнонаучные дисциплины). И приходится констатировать, что это производит поистине гипнотическое впечатление не только на широкую аудиторию, но и на определенную (весьма значительную) часть профессионального архитектурного и искусствоведческого сообщества.

Но при этом, как правило, от внимания их аудитории ускользает тот факт, что эти отсылки к фундаментальной науке имеют к ней, в лучшем случае, лишь косвенное отношение, а по сути – представляют собой весьма разнородные фрагменты, понадерганные из научно-популярной литературы. Кроме того, этим «теоретикам» свойственна и определенная «поведенческая гибкость»: стоит обратить внимание на то, с какой легкостью Ч. Дженкс расстался со своей «теоретической базой» в виде т.н. «философии постструктурализма» и архитектурной семиотики (как только стала очевидной вся несостоятельность их «научного статуса») и оперативно переключился на эксплуатацию новых около-научных трендов. Удивительно, но со временем тексты Дженкса стали практически неотличимы от текстов его основного идеологического оппонента – Салингароса.

Данную констатацию стоит проиллюстрировать буквально двумя цитатами:

Ч. Дженкс: «Большая часть явлений природы – галактики, эмбрионы, сердцебиение и мозговые волны – растет и непрерывно меняется с незначительными вариациями. Эта интуиция получила научное обоснование в 1977 году, когда французский ученый Бенуа Мандельброт [Benoît Mandelbrot] опубликовал свой полемический трактат “Фрактальная геометрия природы”. <...> Возникла концепция порядка, который является более чувственным и непредсказуемым, чем набор повторяющихся элементов» [4]. А.Г. Раппапорт о Н. Салингаросе: «Салингарос оставляет <...> рассуждения традиционной теории за скобками, так как предлагает совершенной иной подход к масштабу, коренящийся в идеях фрактальной геометрии, биологии и теории сложных систем. И потому он видит в своем подходе качественно новую парадигму архитектуры, которая бы строилась по законам природы» [8].

Приведенные выше фрагменты весьма впечатляющи и даже поэтичны (если закрыть глаза на качество русского перевода текста Дженкса), но при этом совершенно неуместны в содержательных архитектуроведческих текстах в силу своей очевидной произвольности и неубедительности. Какое отношение к теории архитектуры (и к самой архитектуре) имеют галактики и эмбрионы, не говоря уже о «мозговых волнах»?!

Да, математик Б. Мандельброт (автор термина «фрактал») опубликовал в 1977 году научно-популярную книгу, в которой весьма занимательно и доступно рассказал о том, что многие природные объекты имеют самоподобную структуру, то есть совпадают (приблизительно или почти полностью) с фрагментами самих себя, и привел в ней множество разнообразных и интересных примеров таких феноменов⁶ [15]. Но вот каким

¹ Здесь уместно дать фактологическое уточнение, что в 1977 г. эта книга вышла под заголовком «Fractals: Form, Chance and Dimension», и представляла собой дополненную и расширенную редакцию (уже в английском переводе) его же книги «Les Objets Fractals: Forme, Hasard et Dimension», опубликованной в 1975 г. А уже собственно «The Fractal Geometry of Nature» («Фрактальная геометрия природы») как доработанная, в свою очередь, версия предыдущего издания, впервые увидела свет лишь в 1982 г.

же образом эти общеизвестные исторические обстоятельства соотносятся с архитектурной проблематикой? По всей видимости, только одним: они послужили вполне достаточным поводом для генерации очередной волны столь же маловразумительных, сколь и претенциозных текстов от «культовых теоретиков архитектуры».

Кстати, при всем должном уважении к Бенуа Мандельброту (и как к математику, и как к популяризатору науки), следует заметить, что самоподобные структуры были известны задолго до его обращения к этой тематике⁷; а до введения им термина «фрактал» этот феномен описывался категорией «рекурсия» и не только давно пристально исследовался математиками, но и являлся объектом серьезного философского осмысления, в частности, для Д. Хофштадтера [12]. Более того, многие наглядные графические интерпретации этого феномена были ранее выполнены М. Эшером на высочайшем художественном уровне, не идущем ни в какое сравнение с качеством иллюстраций Н. Салингароса к его книге «Теория архитектуры», которые, по вполне точному и релевантному определению А.Г. Раппапорта: «остаются беглыми каракулями математика и не претендуют ни на какую художественную выразительность или формальное совершенство» [8].

Столь же методологически безосновательной представляется и попытка Н. Салингароса встроить в свою «теорию архитектуры» относительно недавнюю (и весьма любопытную, при всей своей неоднозначности) идею т.н. «мемов» [17], высказанную всемирно известным эволюционным биологом Ричардом Докинзом в его книге «Эгоистичный ген» [6]. При этом сам Р. Докинз подробно разъяснил, что термин «мем» он ввел в качестве своего рода аналогии для большей наглядности представлений о действии генетического механизма естественного отбора, и что он не рассматривает т.н. «меметику» не только как научную теорию, но и как гипотезу [7].

Можно и далее анализировать тексты этих плодovitых «теоретиков от архитектуры» на предмет их принципиальной вне-научности и явных софистических ляпов, но вряд ли это имеет смысл, поскольку буквально каждая страница их «программных посланий» изобилует *petitio principii* – логическими ошибками, заключающимися в том, что доказательство опирается на основание, само требующее доказательства. Т.е. принятие негодной посылки порождает цепь суждений, априорно сомнительных.

Например, Н. Салингарос утверждает: «Если информация закодирована во фракталах, а не рассеяна неупорядоченным образом, то мозг способен воспринять ее в более крупном объеме <...> Человеческий мозг изначально настроен на восприятие самоподобных природных структур...» [10], и уже далее на этом шатком основании (в виде столь же решительного, сколь и ничем не обоснованного допущения) выстраивает целую «теорию о метаструктурах масштабной когерентности». Но если более внимательно перечитать эту короткую цитату, то сразу возникает ряд вопросов к автору:

– На каком основании он решил, что во фракталах кодируется некая, хоть сколько-нибудь значимая в приложении к архитектуре, информация? И если он так считает, то следовало бы пояснить, какие именно фракталы из всего их обширного многообразия (и, опять же, на каком основании) имеются ввиду: множество ли Кантора (и его конкретные модификации и аналоги), кривые ли Коха и Пеано, или же функции Вейерштрасса и Ван дер Вардена?

– Из какого источника ему известно, каким именно образом «человеческий мозг изначально настраивается» на восприятие тех или иных пространственных образований, и чем при этом фракталы лучше других, иным образом упорядоченных структур?

⁷ История математического описания многих самоподобных структур подробно приводится самим Б. Мандельбротом в его текстах.

Или же подобные вопросы неуместны в принципе, и нам следует смиренно принять как данность, что если дипломированный математик утверждает что-то «вроде бы научное» про фрактальную геометрию и особенности ее восприятия мозгом, то значит – так оно и есть? И в архитектурных журналах отныне следует публиковать картинки «губки Менгера» и «ковра Серпинского» – как некие «фетиши вдохновения»?

Примечательно, что даже такой искушенный теоретик искусствоведения как А.Г. Раппапорт, проводя всесторонний критический анализ всего корпуса воззрений Салингароса, не подвергает сомнению этот весьма странный «ментальный концепт» и определяет его как «...открытый Салингаросом закон масштабных дискретно-непрерывных иерархий» [8]. Интересно, в каком рецензируемом математическом издании можно прочитать об этом «законе»? Ответ прост: ни в каком, поскольку серьезные научные журналы подобное не публикуют...

Далее стоило бы рассмотреть теоретические позиции Патрика Шумахера как главного идеолога т.н. параметризма. Но в данном случае мы сталкиваемся с ситуацией, когда и анализировать-то нечего. Если Ч. Дженкс, К. Александер и Н. Салингарос стараются придать хоть какую-то видимость научности (или хотя бы – наукообразности) своим «теоретическим конструкциям», то П. Шумахер зачастую себя этим просто не обременяет. Его «программные тексты» представляют собой не более чем «поток сознания» слепо убежденного в своей правоте главного манифестанта новомодного авангардного течения – т.н. параметризма, и это обстоятельство в принципе не предполагает возможности хоть сколько-нибудь содержательной полемики.

Но чтобы нам не уподобляться П. Шумахеру в плане его предельной категоричности и безапелляционности, все же стоит привести краткий фрагмент из его текста: «...Строгая приверженность принципам вопреки всем задачам дизайна – необходимое условие проверить требование универсальной компетентности в вопросах параметризма. Однако, наряду с этим методологическим аргументом, существует важная причина настаивать на абсолютной последовательности. Преимущество практического параметризма перед всеми предшествующими стилями является предпосылкой для этой последовательной приверженности его принципам...» [13].

Как представляется, этой цитаты вполне достаточно, чтобы сформировать обоснованное суждение о степени методологической правомерности (да и просто осмысленности) текстов этого «параметрического манифестанта». Так что же нам предписывается усвоить для себя, – причем, совершенно вне-критично и без-рассудочно – из процитированной выше сентенции? По всей видимости, примерно следующее:

- Во-первых, что «приверженность принципам» имеет явно неоспоримый приоритет перед «всеми задачами дизайна»;
- Во-вторых, что существует некая (требующая проверки) «универсальная компетентность в вопросах параметризма»;
- В-третьих, что эти, очевидно абсурдные посылки в виде «приверженности принципам» и «универсальной компетентности» являются при этом – кто бы мог предположить?! – «методологическим аргументом»;
- В-четвертых, что во все это нам нужно просто поверить, так как сам П. Шумахер ничуть не сомневается, что «практический параметризм» имеет преимущество перед «всеми предшествующими стилями».

Далее этот «новоявленный пророк» уверенно вводит в свои сложные для рационального понимания тексты понятие «эвристика» (не им придуманное) и затем постулирует, что она (эвристика) бывает плохой (отрицательной) и хорошей (положительной): так как когда ясно и понятно – это плохо; а когда криво и запутанно – это хорошо. И что поэтому он решил – ни много, ни мало – ввести для своей «архитектурной паствы» соответствующие «табу» и «догмы» [13].

После этого вряд ли стоит и далее рассматривать весь массив столь же патетичных, сколь и малоосмысленных «программных установок» этого, как принято говорить в наше толерантное время, – альтернативно одаренного теоретика, поскольку – *sapienti sat*...

Однако стоит заметить, что не все тексты П. Шумахера столь откровенно бессмысленны. И зачастую он также достаточно умело маскирует их под некую «академичность». И здесь уместно еще раз обратить внимание на то, как пристально эти «культовые теоретики» отслеживают модные пара-научные тренды: стоило, например, популярному немецкому социологу Никласу Луману ввести в оборот более чем сомнительную (и уж со всей определенностью – избыточную) категорию в виде т.н. «аутопоззиса» (с подачи «философствующих нейробиологов» У. Матураны и Ф. Варелы), как Патрик Шумахер это фиксирует и далее «творчески развивает» в приложении к архитектуре. И вот уже нам приходится принимать к сведению, что, как оказывается, «...значительный шаг в понимании архитектуры как социального явления был сделан теоретиком параметрической архитектуры Патриком Шумахером в его фундаментальном труде «Аутопоззис архитектуры» [3].

При этом вполне вероятно, что эти «культовые теоретики» движимы самыми благими намерениями в своих попытках «научного обоснования» тех архитектурных тенденций (или традиций), которым они искренне привержены. Но давно известно, куда порой заводят дороги, «вымощенные благими намерениями», и использование «теоретиками» сомнительных приемов с целью придания собственным концептуальным построениям «вящего наукообразия» рано или поздно приводит к обратному эффекту, бросая тень на теорию архитектуры в целом.

В этой связи имеет смысл привести цитату из публикации профессора РАН, доктора филологических наук С.А. Бурлак: «...Особенно усилилась активность лжеученых в нынешние постмодернистские времена, когда возобладала идея, что в науке нет ничего твердо установленного, есть лишь мнения, и ни одно из них не хуже другого. <...>... специалист в какой-то одной области вполне может, будучи дилетантом в другой, развивать лженаучную теорию. И даже если автор теории не понимает вовсе ничего, схватить его за руку бывает чрезвычайно затруднительно, поскольку обилие информации, приводимой автором теории, может создавать иллюзию его компетентности...» [1].

Процитированный текст посвящен проблематике наукообразных построений в области лингвистики, но вполне очевидно, что данная констатация в полной мере относится и к другим сферам знания (прежде всего, – гуманитарным и междисциплинарным), где небрежение строгими принципами научной методологии неизбежно приводит к казусам произвольного и бессодержательного теоретизирования, которые существенно дискредитируют соответствующую научную дисциплину. Однако, как было показано выше, порой бывает достаточно всего лишь простого обращения к базовым принципам формальной логики, чтобы «отделить зерна от плевел»...

В заключение представляется вполне уместным и закономерным вывод о вероятной продуктивности введения в парадигматику архитектуроведения тех строгих принципов и методологии, что успешно практикуются в точных и естественнонаучных дисциплинах. Подобного рода новация позволила бы в значительной степени разрешить актуальную проблему демаркации (обоснованного отграничения) подлинно научных, пара-научных и откровенно псевдо-научных подходов в современной теории архитектуры.

Литература

1. Бурлак С.А. Лженаука о языке // Троицкий вариант – наука. – 2013. – №13(132) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://trv-science.ru/2013/07/02/lzhenauka-o-yazyke-differencialnyj-diagnoz/> (дата обращения: 01.03.2019).

2. Быстрова Т.Ю. Кристофер Александер: архитектура вне времени и идея шаблонов проектирования // Академический вестник УралНИИПроект РААСН. – 2011. №1. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/arhitektura-vne-vremeni-ideya-shablonov-proektirovaniya-k-aleksandera> (дата обращения: 01.03.2019).
3. Данилов Д.С. Структура архитектурных революций // Architecture and Modern Information Technologies. – 2017. – №4(41). – С. 35-43 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/03_danilov/index.php
4. Дженкс Ч. Новая парадигма в архитектуре (Перевод с английского Александр Ложкин, Сергей Ситар.) // Проект international 5 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cih.ru/ae/ad37.html> (дата обращения 01.03.2019)/
5. Дженкс Ч. Язык архитектуры постмодернизма. Предисловие ред. А.В. Рябушкина, Л. Хайта. – М.: Стройиздат, 1985. – 135 с.
6. Докинз Р. Эгоистичный ген / перевод с английского Н. Фоминой. – М.: Астрель:CORPUS, 2013. – 512 с.
7. Докинз Р. Расширенный фенотип / перевод с английского А. Гопко. – М.: Астрель:CORPUS, 2015. – 512 с.
8. Раппапорт А.Г. Никос Салингарос. Башня и лабиринт. ТА 227 Салингарос (6). История и теория. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://papardes.blogspot.com/2013/08/227-6.html> (дата обращения: 01.03.2019)/
9. Салингарос Н. Антиархитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Часть 15, третье издание. – Германия: Umbau-Verlag, Solingen, 2008. – 296 с.
10. Салингарос Н. Двенадцать лекций об архитектуре. – UMBAU-VERLAG, 2010. – с. 35.
11. Фигурный Г.Н. Современные подходы к осмыслению новейшей архитектуры: Ч. Дженкс и Н. Салингарос // Architecture and Modern Information Technologies. – 2018. – №4 (45). – С. 126-134 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://marhi.ru/AMIT/2018/4kvart18/07_figurnyj/index.php
12. Хофштадтер Д. Гёдель, Эшер, Бах: эта бесконечная гирлянда. – Самара: Бахрах-М, 2001. – 752 с.
13. Шумахер П. Эпоха Параметризма: Пусть начинаются войны стилей / перевод Павла Белого // AJ – The Architects' Journal. – 2010. – №16 (231) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.patrikschumacher.com/Texts/Parametricism_Russian%20text.html (дата обращения: 01.03.2019).
14. Alexander C. The Interaction of Architecture and Science [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.katarxis3.com/Alexander_Architecture_Science.htm (дата обращения: 01.03.2019).
15. Mandelbrot B. Les Objects Fractals. – Paris: Flammarion. – 1975. – 192 с.
16. Mehaffy M. Towards a New Science of Architecture, and a New Architecture of Science. A Review of Alexander's New Magnum Opus, The Nature of Order [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.katarxis3.com/Review_Nature_Order.htm (дата обращения: 01.03.2019).

17. Salingaros N. A Theory of Architecture. Chapter 12: Architectural Memes in a Universe of Information. – Umbau-Verlag, Solingen, 2006.

References

1. Burlak S.A. *Izhenauka o yazyke differencialnyjj diagnoz* [Pseudoscience about language]. Available at: <http://trv-science.ru/2013/07/02/izhenauka-o-yazyke-differencialnyjj-diagnoz/>
2. Bystrova T.Y. *Kristofer Alexander: arhitektura vne vremeni I ideya shablonov proektirovaniya* [Architecture Beyond Time: Idea Design Patterns K. Alexander. Akademicheskij Vestnik Uralniiproekt RAASN]. 2011, no. 1, pp. 41-46. Available at: http://www.taby27.ru/tvorcheskie_raboty/pro-arhitektorov-dizajnerov-xudozhnikov/kristofer-aleksander.html
3. Danilov D. The Structure of Architectural Revolutions. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2017, no. 4(41), pp. 35-43. Available at: https://www.marhi.ru/AMIT/2017/4kvart17/PDF/03_danilov.pdf
4. Charles Jenks. *Novaja paradigma v arhitekture* [A New Paradigm in Architecture. Magazine International Project 5]. 2003, no. 5. Available at: <http://cih.ru/ae/ad37.html>
5. Charles Jenks. *Jazyk arhitektury postmodernizma* [The Language of post-modern Architecture]. Moscow, 1985, 135 pp. Available at: <http://cih.ru/ae/ad37.html>
6. Dawkins R. *The Selfish Gene*. Oxford University Press, 1976, 224 p.
7. Dawkins R. *The Extended Phenotype*. Oxford University Press, 1982, 307 p.
8. Rappaport A.G. *Nikos Salingaros. Bashnja I labirint* [Nikos Salingaros. Tower and Labyrinth]. Available at: <http://papardes.blogspot.com/>
9. Salingaros N.A. *Antiarhitektura i dekonstrukcija* [Antiarchitecture and deconstruction]. Germany, Umbau-Verlag, Solingen, 2008, 296 p.
10. Salingaros N.A. *Dvenadcat' lekcij ob arhitekture* [Twelve lectures on architecture]. Umbau-Verlag, 2010.
11. Figurny G. Modern Approaches to the Understanding of Contemporary Architecture: Charles Jenks vs. Nikos Salingaros. *Architecture and Modern Information Technologies*, 2018, no. 4(45), pp. 126-134. Available at: http://marhi.eng/AMIT/2018/4kvart18/07_figurnyj/index.php
12. Hofstadter D. *Gödel, Escher, Bach: An Eternal Golden Braid*. Basic Books, 1979, 777 p.
13. Schumacher P. *Epoha parametrizma: pust' nachinaytcja vojny stilej* [Let the Style Wars begin. AJ – The Architects' Journal]. 2010, no. 16. Available at: http://www.patrikschumacher.com/Texts/Parametricism_Russian%20text.html
14. Alexander C. *The Interaction of Architecture and Science*. Available at: http://www.katarxis3.com/Alexander_Architecture_Science.htm
15. Mandelbrot B. *Les Objects Fractals*. Paris, Flammarion, 1975, 192 p.
16. Mehaffy M. *Towards a New Science of Architecture, and a New Architecture of Science. A Review of Alexander's New Magnum Opus, The Nature of Order*. Available at: http://www.katarxis3.com/Review_Nature_Order.htm

17. Salingaros N. A Theory of Architecture. Chapter 12: Architectural Memes in a Universe of Information. Umbau-Verlag, Solingen, 2006.

ОБ АВТОРЕ

Фигурный Георгий Николаевич

Аспирант, кафедра «Основы архитектурного проектирования», Московский архитектурный институт (государственная академия), Москва, Россия
e-mail: gfigurny@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Figurny George

Postgraduate Student, Chair «Foundation of Architectural Design», Moscow Institute of Architecture (State Academy), Moscow, Russia
e-mail: gfigurny@gmail.com